

Dorovský, Ivan

Исторические мотивы в поэзии Райко Жинзифова

In: Dorovský, Ivan. *Райко Жинзифов : воздействие русской и украинской литературы на его творчество*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1988, pp. 45-50

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/122349>

Access Date: 27. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ РАЙКО ЖИНЗИФОВА

Обращение Райко Жинзифова к историческому прошлому и к героической старине станет более понятным, если иметь в виду время и культурную обстановку периода его жизни, его жизнь в Прилепе, центре бывшей славы легендарного героя Кралевича Марко, если принять во внимание романтическое обращение к прошлому, его идеализацию во имя настоящей борьбы за национальное и духовное освобождение. Кроме того, это самое важное, мы должны иметь в виду начало болгарской и македонской художественной литературы, особенно стихотворную поэзию того времени.

Юный Жинзифов узнал из „Истории славяноболгарской“ Паисия Хилендарского о разных этапах исторического развития болгарского и македонского народов, о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия и т. д. Искренний патриотический тон „Истории славяноболгарской“ помогает Жинзифову в укреплении его патриотизма. Полные патриотизма слова Паисия служат молодому Жинзифову мотто, когда он, будучи студентом третьего курса историко-филологического факультета в Москве, издает сборник „Новобългарска сбирка“.¹

Стихотворения Жинзифова с исторической и просветительской тематикой мы должны понимать как продолжение той стихотворной струи 40-х годов прошлого столетия, которая развивает просветительские темы, идею обучения и его общественной роли в развитии национального сознания.² Жинзифов, однако, в своих стихотворениях не ограничивается только дидактическими внушениями о необходимости знаний, доброго воспи-

¹ Жинзифов, Р.: *Новобългарска сбирка*. (Слово за пълкът Игорев, превод от староруски язык. — Краледворска ръкопис, превод от чешки язык. Гусляр Тараса Шевченка, превод от мало-руско наречие. — Ново-българска гусла.), Москва 1863.

² Певев, Б.: *История на новата българска литература*, том 1, София 1930, с. 85 и след.

тания и систематического труда, как это делали его предшественники, а идет значительно дальше.

Тему родины и ее былого величия, разрабатываемую до выступления Жинзифова обыкновенно в духе паисиевских патриотических идей некоторыми болгарскими стихотворцами (Неофит Бозвели, Неофит Рилски, Иван Богоров и др.), наш поэт понимает уже в духе 60-х годов общественного и литературного развития. Если указанные авторы патриотических стихотворений пишут абстрактно и отвлеченно о родине и не касаются глубже рабского положения народа, подчеркивая только его славное прошлое и его положение в настоящем, то Жинзифов выводит в своей поэзии новые элементы аллегорического подсказывания и выражения новых путей дальнейшего развития.³

В начале 60-х годов Жинзифов начинает осознавать, что для освобождения народа от фанариотов, турок и греческих, болгарских и турецких чорбаджиев необходима деятельность всех, в первую очередь прогрессивных культурных деятелей.

В стихотворении „Глас“ („Голос“) поэт ясно определил цель своей дальнейшей деятельности, находясь далеко от родины „не в чужда за мене страна“. Жинзифов видел, вытерпел сильные контрасты общественной жизни в своей стране и в стране северных „диких и холодных ветров“ — в России. Поэт видит, что народ еще глух к своей былой славе и к песням о ней, но он твердо уверен, что наступит время, достойное песен. Жинзифов стремится показать народу противоречия в жизни, где царствует

**Коварство сос бедност, сос гордост лукавство,
Сон мъртов, глупава простота,
Любов на слова и слога без братство,
И хитрост, лъжлива доброта**

Жинзифов видит уже яснее эту несправедливость и контрасты общественной жизни народа на Балканах, и в России. Он глубоко в своем сердце слышит „тайный голос — народный голос“, призывающий всех прогрессивных и просвещенных людей к активной деятельности. Иносказательно,⁴ хотя еще не во весь голос, звучат в голосе поэта мотивы народной бури, грома народного восстания. Призывными словами обращается он к простым людям, своим близким пахарям — к народу:

**Спрегни плуг за забравената нива,
Че близка ет доба, близок ет час.
Стани, земи остен в раце, работай
Ти и ден и ноц, сос труд, сос пот,
Изтреби търне, изчисти трокот, изорай
Безплодна нива да дадит плод.**

³ *Очерки истории болгарской литературы 19—20 веков*, Москва 1959, с. 37—51.

⁴ В русской литературе прогрессивного направления, после наступления жестокой реакции, также было распространено иносказательство в поэзии и в статьях революционных демократов, напр. Н. А. Некрасова.

Стани, безумец, сос молитва гореща
Ти клетва дай, стори си кръст;
Стани ти, иди напред, иди на среща

Болгарские буржуазные историки литературы и литературоведы, которые оценивали творчество Жинзифова, не хотели или не смогли увидеть именно в этом стихотворении первое обращение нашего поэта к новому содержанию и к новым мотивам. Думаю, что в этом стихотворении мы должны искать начало его дальнейшего поэтического развития с тенденцией к отчетливо прогрессивному, призывающему к вооруженной борьбе содержанию („Недопояна песня“, „Отзив към певецът“). В стихотворении „Глас“ Жинзифов определил свое место, свою роль и роль своей поэзии в борьбе за социальное и национальное освобождение. На призыв „божьего гнева, народного голоса“ поэт отвечает: „Готов сум, се кълнам да изорам нива“.

Стихотворение „Глас“ является личным манифестом молодого студента Жинзифова о роли поэта в общественной жизни. Стихотворение сильно напоминает „Поэта и гражданина“ Н. А. Некрасова мыслью о подчинении творчества интересам трудового народа.⁵ Печальные, бескорыстные годы юности и жизнь в Москве заставляли Жинзифова думать о своем положении в связи с положением народа. Он сознавал, как Некрасов, что „Ему тяжелей жребий пал, / Но доли лучшей он не просит: / Он, как свои, на теле носит, / Все язвы родины своей.“⁶

Когда ударил гром и раздался голос („загърме — глас се отзива“) стонущей народной бури, поэт отзывается, что он готов служить народу. На этой идейной основе программно развивается его дальнейшее поэтическое (и публицистическое) творчество.

В построении стихотворения Жинзифов использует народную мудрость, пословицы, говорящие иносказательным языком о перемене жизни, об изгнании, „истреблении колючек“, ибо „Че близка ет доба, близок ет час.“ Этим „колючим кустарником“ и пыреем является никто иной, как турецкие поработители и местные, им преданные чорбаджи.

Взгляды Жинзифова того времени на Османскую империю находились в полном соответствии со взглядами русской общественности. Она в отличие от западных стран, поднимавших свой голос с трибуны английского парламента в защиту Турции и говоривших, что в Турции устроено все благополучно, видела пороки турецкой державы. Жинзифов распространяет в России взгляд, что турки — „нация, страдающая упадком сил, нация отмирающая, большой организм, кончина которого очень близка“.⁷

Автор стихотворения „Глас“ не сразу приходит к таким строго прогрессивным выводам. Он видит подвиги черногорцев, их храбрость в борьбе с турками. Поэт читает в газетах о бомбардировке Белграда турками,

⁵ Ерихонов, Л. С.: *К. Жинзифов и П. И. Бартенева*, Известия на Института за литература на БАН, кн. XVI, София 1965, с. 163—190.

⁶ Некрасов, Н. А.: *Собрание сочинений в восьми томах*, том 1, Москва 1965, с. 255.

⁷ Орешков, П.: *Жинзифов като журналист*, Македонски преглед, кн. 1, София 1928, с. 60.

слышит о турецких злодеяниях в Болгарии и Македонии. Все эти обстоятельства его убеждают, что Турция может пасть.

Жинзифову постепенно становится ясным, что реформами и преобразованиями окончательно решить вопрос нельзя. В этом он сам уже убедился дважды: в 1856 году после издания хатт-и-хумаюна и после отмены крепостного права в России в 1861 году. Надо, однако сказать, что Жинзифову еще не ясны конкретные пути борьбы. Он занимается толкованием взглядов турок на сербов (и не только на них) и на их просвещение. Турки говорили, что если славянские народы на Балканах узнают из своих славянских книг о своем прошлом, то, несомненно, у них родится желание и стремление быть такими, какими они были раньше, до порабощения турками.

Студент Райко Жинзифов страстно изучает историю балканских (и остальных славянских) народов и в своих стихотворениях стремится показать величие и славу старой Преславы, этого величайшего культурного центра древней Болгарии. Он вспоминает об ученике Кирилла и Мефодия — Клименте и его родном Охриде, упоминает о подвигах Кралевича Марко. Жинзифов идеализирует историческое прошлое в пользу настоящего. На основе исторических обоснованных фактов поэт напоминает народу о т. наз. золотом веке болгарской литературы, культуры и просвещения. Сам царь Симеон объединил при своем дворе болгарских ученых и писателей.

С намерением рассказать народу о „старой, славной славянской державе“ в стихотворении „Сон“ поэт проводит две главных идеи: просвещение и героические подвиги и успехи в борьбе с византийцами. Притом Жинзифов, еще в славянофильском духе, не видит классовых различий в царстве Симеона:

**Язык имаш, напредвай ти.
Развивай душевни доброты.
Доволни сте и стар и млад,
Могъщ и слаб, нищ и богат.**

Тема борьбы с греками, о которой говорится в стихотворении, весьма актуальна. Словами Симеона Жинзифов затрагивает важные проблемы современности. На основе религии (православия) с греческими господствующими классами нельзя никогда договориться. Надо бороться против них с мечом в руке:

**Коварен гърк не държит реч,
За то, народе, остър меч
Нека мирит них и нас,
Или ми них, или они нас!**

На вопрос, где же славная славянская держава, поэту никто не отвечает, но он уверенно ждет положительного ответа из уст народа.

В мысли поэта неразрывно связана древняя слава Преславы со вторым центром — Охридом, так как Преслава с Пантелеймоном, с одной стороны, и Охрид с Кутмичевицей в Македонии, с другой стороны — это были два культурно-просветительские очаги, которые создали светскую и духовную

интеллигенцию, заложившую основы славянской письменной культуры.

В одноименном стихотворении Жинзифов хотел напомнить народу о великом старославянском духовном центре Охриде. Поэт напоминает о Клименте, народном учителе и распространителе идей славянской веры и национальной самобытности. Поэт хочет напомнить народу о забытом прошлом. Ведь Климент с алтаря старой охридской церкви проповедовал по-славянски дух любви, свободы и независимости:

**Как на свой язык народен
Проповедвал кротко, мило
Дух на любов, дух свободен**

Поэт, вспоминая обо всем этом, требует восстановления старого славянского богослужения в Охриде и церковной самостоятельной организации с центром именно в Охриде. Требования Жинзифова полностью совпадают с требованиями времени.

В. А. Францев⁸ пишет, что стихотворение „Охрид“ Жинзифова написано под полным и непосредственным воздействием стихотворения А. С. Хомякова „На Прагу“ („Беззвездная полночь дышала прохладой“). Известно, что стихотворение „На Прагу“ было написано как непосредственный эмоциональный отклик поэта, уезжавшего из Праги в Дрезден. К письму, которое Хомяков послал Вацлаву Ганке, поэт приложил и два стихотворения: „Не гордись перед Белградом“ и „На Прагу“. Последнее претерпело много переизданий в разных славянских странах и было переведено много раз на чешский язык.

Верно то, что Жинзифов взял у Хомякова общее настроение и идею, заменил Прагу Охридом, подчеркнув его значение в истории старославянской церкви. Дальнейшая разработка единственной центральной идеи у Жинзифова — идеи борьбы за независимое славянское богослужение и формальное построение совершенно самостоятельны. Отдельные лексические выражения, взятые из стихотворения „На Прагу“, можно объяснить двумя факторами: Так как идеи обоих стихотворений очень близки, Жинзифов, независимо или независимо от Хомякова, мог пользоваться теми же самыми или подобными лексическими средствами и отдельными выра-

⁸ Францев, В. А.: *А. С. Хомяков, поэт-славянофил*, Български преглед, год. 2, кн. 1, София 1933, с. 45. Жинзифов в письме П. И. Бартеневу от 10 июня 1864 года пишет: „Да, хотя и говорят, что будущее человека покрыто мраком неизвестности, но я предвижу, я наперед знаю свою будущую жизнь в Болгарии или в Македонии, потому что болгарская земля вся черна и вся наполнена „всякой мерзости“ — плод долговечного ига — и то, что сказал знаменитый русский человек Хомяков о России, то я скажу о Болгарии, разумеется, с известными изменениями, но ни на волос не изменяя смысл стихотворения Хомякова. См. Ерихонов, Л. С.: *Жинзифов и П. И. Бартенев*, Известия на Института за литература на БАН, кн. XVI, София 1965 с. 184. Жинзифов, вероятно всего, имеет в виду одно из самых популярных стихотворений Хомякова „Россия“ (1854). В нем дана характеристика николаевской России и находятся, напр., также следующие стихи: „В судах черна неправдой черной / И игом рабства клеймена, / Безбожной лести, жги тлетворной / И лени мертвой и цозо рной / И всякой мерзости полна! См. Кѣрпінскá, А.: *Slavjanofilský básník Alexej Štěpanovič Chomjakov*, Ruština v teorii a praxi, 2, 1984, s. 42—43.

жениями, и, во-вторых, мы уже говорили о том, что его жизнь в дали от родины, отрыв от народной разговорной речи, естественно, обедняли его поэтический словарный запас.

Образ легендарного героя Марка Кралевича выведен в стихотворении, названном просто, в духе народно-поэтического творчества — „Песня“. Стихотворение свидетельствует о воздействии македонских юнацких народных песен, сказок и легенд об этом прилепском владетеле на творчество поэта. Особенно в Прилепе, где Райко Жинзифов работал учителем, и в его окрестностях возникло много народных преданий и песен о силе Кралевиче Марка, его подвигах, о его борьбе с врагами народа.

В „Песне“ поэт обращается к Марко словами угнетенного народа, в духе народной поэзии рассказывает о тяжелой доле народа. Тем самым автор как будто бы хочет поднять от вечного сна „мертвого Марка“. Поэт обращается с вопросом не только к Марко (хотя в стихотворении обращение лично к нему), но ко всем терпящим, которые „Векове четири цели / И от петий половина“ теряют свои силы под духовным, экономическим и национальным игом турецких и греческих поработителей.

Жинзифов очень точно, реалистически рисует духовное состояние и развитие самосознания народа в начале 60-х годов, когда, как это прекрасно выразил поэт, его душевные силы немели и немсют под ярмом чужих властей:

Не остана кърв в жили,
От ден на ден все ток' гинат
На душа и снага сили;
Редом чърни дни си минат.
Небосклонът се чърнее,
Силен град народ си бие,
Го немее, го мъртвее,
Нема кой да го прикрие.

Поэт констатирует, что народ не имеет никаких защитников, но при Марко сам Кралевич защищал народ от иноземцев. На положительные вопросы

Так ли беше, кралю Марко,
В стара доба, в твое време?
Я се отзви, старий татко!
Ти си видел такво време?

поэт ждет ответа народа, из которого должны выйти новые герои, которые будут продолжать традиции борьбы Кралевича Марка.